

Е.Е. Барина

Новосибирский государственный технический университет

**Научно-популярная литература в классификации жанров
(теоретический и исторический аспекты)**

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения места научно-популярного жанра в имеющихся жанровых классификациях с учетом литературоведческих и лингвистических подходов. История возникновения и становления форм популяризации научных знаний связана непосредственно не только с развитием научных жанров, но и жанров журналистики. Контаминированная природа научно-популярного жанра объясняется также тесным взаимодействием с жанрами художественной литературы и философии.

The problem of identifying the place of the popular science genre in the genres classifications while considering certain linguistic and literary approaches is under review in this article. The history of the origin and development of the forms of scientific knowledge popularization is directly linked both with the development of scientific genres and genres of journalism. The contaminated nature of the popular science genre is also due to the close interaction with the genres of fiction literature and philosophy.

Ключевые слова: научно-популярная литература, научно-популярный жанр, популяризации науки, стиль и жанр, теория жанров, классификация жанров.

Popular science literature, popular science genre, science popularization, style and genre, genre theory, classification of genres.

УДК: 82-1/9.

Контактная информация: Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20. НГТУ, кафедра филологии. Тел. (383) 3304772. E-mail: barinova.e.e@gmail.com.

Жанровые формы, которые используются в целях популяризации научных знаний, достаточно многочисленны и разнообразны. Научное содержание сближает научно-популярный текст с научными жанрами, но *формы* изложения зачастую являются результатом различных жанровых контаминаций. Поэтому, несмотря на то, что научно-популярный текст выполняет специфические *функции* (в самом общем плане – это формирование научного мировоззрения), его природу часто признают вторичной, и маргинальность научно-популярного жанра (НПЖ) затрудняет определение его места в системе. По мнению Б.В. Томашевского, создать предельно четкую классификацию жанров невозможно, поэтому приходится «логическую классификацию заменять служебной, подсобной, учитывая лишь удобство распределения материала в определенных рамках» [Томашевский, 1931, с. 28]. Действительно, сами попытки определения места жанра к классификации позволяют более целостно и системно представить изучаемый объект и проблематизировать некоторые аспекты его изучения. Именно жанр является базовой единицей для описания и систематизации художественных произведений в литературоведении и становится все более востребованным понятием в лингвистике, что способствует смещению интереса от жанров художественной литературы к нехудожественным жанрам. Не останавливаясь детально на принципах выделения

НПЖ и обоснованиях его специфических характеристик, постараемся рассмотреть его в системе жанровых взаимодействий.

Традиционно, проблема жанра – это проблема литературоведения. Со времен аристотелевской «Поэтики» выделяются роды (эпос, лирика, драма) и виды, или жанры, художественных произведений (трагедия и комедия как виды драмы, например). Данное родо-видовое деление долгое время имело не только теоретическое значение, но и носило нормативный характер. В настоящее время классификация дополнена жанровыми подвидами (разновидностями), особенно если речь идет о неканонических литературных произведениях (Н.Д. Тмарченко, Б.В. Томашевский, Н.М. Лейдерман и др.). Очевидно, что научно-популярная литература не встраивается в данную классификацию. Ее место в сфере словесного творчества одним из первых определяет В.Г. Белинский, помещая ее на границе строго научных жанров и жанров массовой литературы. Выделяя такие «области литературы», как наука, искусство и пресса, среди литературных произведений он различает классические (высоко художественные) и беллетристические (массовые), а среди научных – *официально-академические* и *популярные*. Далее В.Г. Белинский проводит параллели между беллетристической и популярной литературой: беллетристика является своеобразной посредницей между классическим искусством и народом, а книги популярного изложения транслируют узкоспециальные научные знания в увлекательной и доступной для масс форме [Белинский, 1981].

Научно-популярная литература также попадает в поле зрения лингвистов, которые изучают некоторые аспекты текстов данного жанра, а также определяют его место в системе жанров и стилей. Традиционно различают пять основных функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорно-бытовой. Функциональные стили, специфика которых обуславливается тем или иным видом деятельности (сферой общения), рассматриваются на разных уровнях абстракции и подразделяются далее на подстили и другие более частные разновидности – жанры [СЭСРЯ, 2003, с. 581–583]. В последнее время в рамках данного подхода все чаще более детально разрабатывается проблема жанра, в частности, функционально-стилистический принцип систематизации речевых жанров [Салимовский, 2002]. Под влиянием общей теории речевых жанров М. Бахтина и благодаря глобальному повороту языкознания к речи в целом особенно активно развивается теория речевых жанров (жанрология / генология или генристика) [Шмелева, 1995]. Кроме первичных и вторичных жанров в генристике различают информативные, императивные, этикетные и другие речевые жанры, в рамках которых изучаются отдельные жанры речи (просьба, проповедь, эссе, объяснение и пр.) [Шмелева, 1991, с. 89–91]. Риторические жанры (лекция, доклад, выступление, дискуссия и т.д.), которые наряду с литературными считаются вторичными речевыми жанрами, также сегодня все чаще становятся объектом исследования. (Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон; Л.Н. Горобец и др.).

Научно-популярные тексты чаще рассматриваются в рамках функциональной стилистики. Как правило, их относят к особому *подстилю* научного стиля, в рамках которого выделяются и описываются академический и научно-популярный подстили [Очерки истории, 1994]. В то же время, некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения. Например, Н.Н. Маевский рассматривает научно-популярный *стиль* как цельную самостоятельную функциональную систему. Описывая его лингвистические характеристики, исследователь говорит о межстилевой контаминации – «объединении в самостоятельную структурно-функциональную систему типичных для научного, художественно-беллетристического, публицистического и разговорного стилей, разнообразных языковых средств и стилистических приемов» [Маевский, 1979, с. 4]. Некоторые ученые пишут о своеобразном «межстилистическом жанре», складывающемся на

пересечении *всех* основных функциональных стилей. «Научно-популярный жанр, избирая тот или иной предмет науки, а также того или иного адресата, презентует не собственно научным способом, а способом, который представляет органичный синтез различных стилистических презентаций» [Фудель, Васильева, 1972, с. 99]. Газетная публицистика привносит сочетание доминирующей объективно-логической презентации с эмоционально-оценочной экспрессивной окрашенностью. Из разговорной речи заимствуется «бытовая» понятийность, конкретная образность, субъективность и экспрессия. Художественность проявляется в опосредованности изложения материала, в создании конкретных, чувственно-наглядных образов [Там же, с. 98]. Как «типичные межстилевые образования» рассматривает научно-популярную и научно-публицистическую литературу Е.С. Троянская. Она также отмечает, что «в этой литературе есть произведения, близкие по своему строю к самым разным функциональным стилям (к научному, газетно-публицистическому, художественному, даже разговорному)...» [Троянская, 1984, с. 21].

Таким образом, несмотря на то, что основы изучения жанров разрабатывались в литературоведении, лингвистический подход значительно дополняет картину представлений о жанрах. Существенная трудность, которая возникает при интеграции подходов, заключается в том, что основания классификации стилей и жанров в лингвистике и родов и жанров в литературоведении принципиально иные. В литературоведении основания классификации были заложены еще Платоном – это *способы отображения* (или подражания) действительности: подражание речам персонажей, авторское повествование и сочетание этих приемов [Платон, 1971, с. 394] (традиционно соотносимые с драмой, лирикой и эпосом соответственно). В основе же функциональной стилистики, которая сформировалась только в XX в., – *сферы применения*, основанные на дифференциации социальных практик (которые, конечно, еще не сложились в античности) и далее, речевых ситуаций. Лингвистика охватывает более обширный перечень жанров, но далеко не все они изучены, в частности, не освещенным остается вопрос о взаимодействии научно-популярных и риторических жанров.

Перечисленные лингвистические концепции указывают не только на полижанровую основу, но и на разностилевую сущность научно-популярных текстов, т.е. на предельно широкий диапазон жанров, которые могут быть использованы популяризаторами. Данный подход также делает более очевидной прагматику жанра. Выбор той или иной жанровой формы зависит от целей популяризации, среди которых можно выделить основные: информирование, разъяснение и обучение.

В первую очередь, довольно обширен у популяризаторов спектр научных жанров, что очевидно из самих номинаций: *научно-популярная монография, научно-популярная статья, общедоступные лекции* и т.д. В научно-популярных текстах, построенных по схемам классических научных жанров, системно и последовательно излагаются основы какой-либо отрасли знания или отдельной теории (И.В. Богословская, А.И. Новиков, Е.А. Баженова и др.) Но уже само слово «научно-популярный» в определении сигнализирует о том, что содержание и форма изложения в той или иной степени трансформированы и должны иметь свою специфику.

Исторически, многие научно-популярные жанровые разновидности формировались именно путем упрощения *научного* текста, адаптации его для массового восприятия. Показательны в этом случае популяризаторские тексты календарей XVIII в., собранные и переизданные в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (1785–1793). Например, иначе расставленные в статьях акценты приводили к тому, что описание хода доказательств и процесса научного открытия значительно сокращалось, но подробнее разъяснялись его результаты

и польза от них. Для более детального ознакомления читателя отсылали к первоисточнику, что стало традицией для научно-популярной литературы. Также в тексте был представлен некоторый историко-научный контекст и краткая биография или характеристики ученого. Таким образом, структура изложения трансформировалась, но содержание в целом оставалось неизменным.

Так как начальный этап формирования НПЖ во многом связан и с появлением периодических изданий, это не могло не отразиться на отношении с системой журнально-публицистических жанров. (Выделяется даже «научно-популярная журналистика как жанр» [Никифоров, 2008, с. 17]). Если первые научно-популярные тексты в России создавались, как правило, самими учеными и академиками, то с увеличением числа печатных периодических изданий появлялись другие авторы. Считается, что фундамент научной популяризации в журналистике России заложил М.В. Ломоносов в статье «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии». В ней ученый определяет степень участия журналистов «в распространении научных знаний, в оценке работы ученых», считая, что журналист должен «иметь в виду точное и основательное исследование истины» [Цит. по: Парафонова, 2007, с. 9]. Как видим, уже тогда от журналиста ожидали не только адекватного изложения информации, но комментариев и оценки, сформированных убеждений и точных представлений о целях, задачах и идеологии популяризации. Особенно ярко проявились данные тенденции в публицистике второй половины XIX в. (тексты А.И. Герцена, Д.И. Писарева, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и др.).

Основное отличие взаимодействия НПЖ с журналистскими жанрами (по сравнению с разновидностями других стилей) можно усмотреть в том, что формально последние почти не подвергаются специальному изменению. Например, жанр *интервью*. Если интервьюируется ученый, желающий донести научные идеи до общественности и излагающий их в общедоступной форме, то текст интервью можно вполне признать научно-популярным. Т.е. определяющей здесь оказывается лишь *тематика и цель* при неизменности требований к жанровой *форме*. Это же можно наблюдать и при использовании для популяризации науки ряда других жанров журналистики, как информационных: *хроника, заметка, репортаж, отчет* и др.; так и аналитических: *статья, рецензия, обзор, рейтинг* и пр. Результаты данных жанровых взаимодействий – это, как правило, те жанровые разновидности научно-популярной литературы, которые не ставят непосредственных дидактических задач и выполняют, прежде всего, функцию информирования о текущих событиях и процессах (о новых научных открытиях, памятных научных датах, событиях в научном сообществе и т. д.).

Отдельно можно сказать о ряде художественно-публицистических жанров, с которыми связывают присутствие художественных черт в научно-популярном тексте (М.С. Черепанов, А.В. Степанов, И.И. Никифоров и др.). Заимствование некоторых приемов публицистики, несомненно, важно для реализации задач популяризации, но сами жанровые формы далеко не всегда подходят для этих целей. Например, такие жанры, как *памфлет, фельетон, эпиграмма или житейская история*, вряд ли будут взяты на вооружение популяризатором науки, но *очерк, эссе, некролог* и др., если в них описываются события, связанные с наукой, могут быть использованы так же, как и перечисленные выше жанры журналистики.

Влияние литературного творчества на НПЖ не ограничивается посредством взаимодействия с жанрами художественной публицистики. Чтобы не только информировать, но увлечь и вовлечь читателя в познавательный процесс, популяризаторы зачастую пользуются приемами литераторов. Именно на этот феномен чаще всего обращают внимание исследователи научной популяризации, указывая на то, что научно-популярная литература возникла на стыке науки и искусства. Ее определяют как «особый вид научной работы и художественного творчества»

[Лихтенштейн, Михайлов, 1974, с. 66] и подчеркивают, что «вся научная популяризация так или иначе связана с литературной первоосновой» и представляет собой «диалектическое единство философии, естественной науки и художественного творчества» [Аллаярова, Коган, 1979, с. 96, 135].

Художественную составляющую НПЖ подтверждают такие его номинации, как «научно-литературный», «научно-художественный», «литературно-ученый», «учено-беллетристический» и т.д. Исследователи даже выделяют отдельно такую разновидность, как *научно-художественная* литература, к которой, например, можно отнести и жанр научной фантастики (В.С. Аллаярова, Л.Н. Коган; Е.С. Лихтенштейн). Несмотря на то, что сила воздействия подобного рода произведений на сознание читателя может быть гораздо более выраженной, и они также могут способствовать формированию научного мировоззрения или возникновению интереса к науке, их явно обнаруживаемая фикциональность (наряду с другими признаками) свидетельствуют об их гораздо большей близости к беллетристике, чем к науке.

Рассматривая черты художественности в НПЖ, лингвисты, как правило, указывают на специфику языка, который по силе образности и наглядности сопоставим с языком художественной литературы. Кроме языковых особенностей, обращают внимание (особенно в работах о научно-популярной публицистике и журналистике) на отдельные литературные приемы (И.И. Никифоров, Я.И. Перельман, Т.А. Тимофеева, Г.Г. Полищук и др.). Но заимствуются и некоторые литературные формы, и, более того, некоторые принципы создания и отображения действительности, используемые в художественных произведениях. Прежде всего, это введение вымышленных персонажей – своеобразных посредников между ученым и обывателем (это особенно характерно для детской литературы). Появление персонажа предполагает развитие сюжета, появление интриги, которая здесь может быть ориентирована, к примеру, на повышение интереса к ходу и результату научного открытия. Сам по себе фикциональный контекст (мы не имеем в виду псевдонаучную литературу) не отражается на качестве научной информации, но зачастую способствует лучшему усвоению научного знания.

Палитра художественных жанров, которые могут быть использованы популяризаторами, необычайно разнообразна. Например, научная (научно-популярная) *биография* «может быть написана во многих жанрах – от поэзии до драматургии» [Лазаревич, 1978, с. 93]. Особенностью такого беллетризованного жизнеописания будет то, что акцент в нем делается на тех событиях жизни ученого, которые непосредственно связаны с наукой. Также возможны такие гибриды как *научный детектив* или *занимательное путешествие* и т.д. Так, если говорить о травелогах, то стратегия исследования географического пространства во многом напоминает стратегию научного исследования в целом и зачастую становится нарративной структурой многих научно-популярных книг (вспомним известные путевые заметки В.А. Обручева, В.К. Арсеньева или книги Я.И. Перельмана о межпланетных путешествиях).

При анализе именно такого рода научно-популярных произведений, на наш взгляд, важно использование литературоведческих методов исследования. Литературоведы, в отличие от лингвистов, более сосредоточены не на языке и не на отдельных композиционно-стилистических уровнях текста, здесь важнее «вопрос о принципах объединения разных стилистических типов в целостное художественное единство» [Виноградов, 1980, с. 246].

Взаимодействие НПЖ с философскими жанрами – наименее исследованная область, так как жанры философии сами по себе мало изучены. В рамках функциональной стилистики они не находят отражения: возможно, философия в чистом виде считается слишком узкой сферой интеллектуальной активности чтобы выделять ее в особую обширную сферу деятельности. Литературоведы могут

заинтересовать лишь художественные формы философствования, при этом они вряд ли будут последовательно изучать философскую сущность и специфику текста [Синагова, 2005, с. 3]. Для самих же философов тема жанра выглядит несущественной [Мирошников, 2008, с. 121]. Таким образом, несмотря на то, что различаются самостоятельные специфические жанры философии: трактат, диалог, апология, афоризмы и др., они не встроены в более масштабную жанровую иерархию. С одной стороны, такая ситуация показывает недостаточность какого-либо одного (лингвистического, литературоведческого, философского или др.) подхода к изучению феномена жанра. С другой стороны, «выпадение» из классификации сказывается на объеме интереса теоретиков к тому или иному жанру.

Далеко не всегда исследователи обращают внимание на присутствие важных философских обобщений в научно-популярном тексте [см.: Пукшанский, 1987]. Мы считаем, что дело здесь не только в философских отступлениях или особой подаче материала, а в своеобразной «памяти жанра» (М. Бахтин). Если обратиться, минуя протонаучный период истории развития знаний, к эпохе, предшествующей Просвещению как этапу развития европейской науки, мы увидим, что первые научные идеи эпохи Возрождения транслировались зачастую именно в форме традиционных философских жанров (трактаты, диалоги и т.д.). Например, «Беседы о бесконечности, вселенной и мирах» (1584) Джордано Бруно.

Хотя уже тогда традиционные формы философствования далеко не всегда способствовали раскрытию потенциала ученой мысли. Поэтому отсутствие готовых жанровых канонов для новой зарождающейся сферы деятельности отчасти послужило причиной поиска новых, зачастую гораздо более свободных форм изложения. Поскольку период зарождения НПЖ наименее освещен в исследованиях, позволим себе подробнее рассмотреть один из примеров. Особенно показательно здесь сопоставление двух текстов: «Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершенное Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол» (1638) Ф. Годвина и «Открытие лунного мира» (1638) Д. Уилкинса. В обоих транслируется идея множественности и обитаемости миров во Вселенной. Но текст Д. Уилкинса, структурно и содержательно тяготея к средневековому религиозному дискурсу, слишком консервативен; соответственно, и мысль автора, доказывающего, что идея о внесемной жизни «не противоречит принципам разума и святому писанию», движется преимущественно в рамках религиозно-философской проблематики. В тексте же Ф. Годвина, которого иногда называют родоначальником фантастики, наглядно представлены новейшие астрономические идеи того времени. Его герой Гонсалес не теоретизирует и не предполагает, он добирается до Луны на упряжке лебедей и общается с лунными жителями. Таким образом через «личный опыт» персонажа, который теперь просто «вынужден согласиться с Коперником», также подтверждается и новая гелиоцентрическая астрономическая модель. Очевидно, что такая новаторская форма была более привлекательной для широкого распространения новых идей, и в дальнейшем влияние литературных жанров на НПЖ было более выраженным.

Говоря об истоках формирования научно-популярного жанра, не стоит преувеличивать его специфику и значение, считая, что поиски ученых именно в сфере популяризации знаний привели к появлению тех или иных жанровых образцов. Идеология просвещения, и тем более просвещения масс, еще не была отрефлексирована, следовательно, авторы вряд ли ставили себе именно такие конкретные задачи. Тем более, иногда предпочтение той или иной жанровой формы являлось результатом вынужденного выбора в сложившихся социальных условиях. Так, сочинение «Сон или посмертное сочинение о лунной астрономии» (1634) И. Кеплера, которое часто ошибочно определяется как сугубо фантастическое, задумывалось вовсе не для развлечения публики, а как относительно безопасная возможность рассказать об астрономических открытиях и новаторских научных идеях в условиях религиозного культурного контекста. Совсем небольшой по

объему текст самого «сна» (в котором герой перемещается на Луну и наблюдает Землю и лунную атмосферу, географию и ее жителей) снабжен обильными отсылками и примечаниями, представляющими собственно лунную астрономию, в которой ученый приводит заключения о Луне, основанные на наблюдениях от 17 июля 1632 года, «опираясь на аксиомы оптики, физики и метафизики».

В целом, выбор жанров для трансляции уже появляющихся научных идей в это время еще не велик. Очевидно также, что на данном этапе исключено взаимодействие с научными жанрами, которые не могли появиться до формирования научного института как такового, или с жанрами еще не существовавшей журналистики. Таким образом, данный этап скорее можно обозначить как предварительный процесс жанрообразования. Обращение к «дожанровому состоянию» (И. Силантьев) помогает не только увидеть истоки, но и определить некоторые тенденции дальнейшего развития жанра. Так, философская риторика была уже значительно выхолощена к тому времени религиозной схоластикой, и данные жанровые рамки скорее сковывали мысли автора. Литературные жанровые формы, напротив, способствовали раскрепощению научного воображения и развитию самых передовых идей своего времени. Не удивительно, что именно беллетризованное произведение Б. де Фонтенеля «Беседы о множественности миров» (1686), написанное в форме диалогов между галантным философом-ученым и очаровательной французской маркизой, называют «жанровым архетипом» популяризации [La science pour tous, 1990, p. 6]. Жанровые образцы существовали не только в художественной литературе, они появлялись и в философии, и в науке благодаря отдельным мыслителям, чьи произведения в дальнейшем становились своеобразными жанровыми канонами. Среди научно-популярных текстов особенно востребованными оказались беллетризованные формы изложения материала.

Итак, определить точное место НПЖ в классификации жанров довольно сложно, так как не существует (относительно) единой классификация жанров, в которой учтены и описаны даже самые периферийные и пограничные (с позиций полевой теории стилей) виды текстов. Различны также подходы к проблеме жанров и методы их изучения в различных гуманитарных дисциплинах. В данной ситуации неизбежна проблема точной номинации жанров научно-популярной литературы. Считать ли, например, научно-популярную монографию, интервью с ученым или научный детектив *жанрами* научной популяризации (также как выделяют отдельные жанры журналистики как особой социальной практики) или называть их *жанровыми разновидностями* (подвидами) НПЖ. Или же, полностью отказывая НПЖ в самостоятельности, относить данные формы к гибридным научным, журнально-публицистическим или художественным жанрам соответственно. Нам понадобился не только теоретический срез, но и некоторый исторический экскурс, чтобы показать, что свое специфическое оформление НПЖ получает именно в период развития самой деятельности популяризации научных знаний и развивается далее, используя готовые (или становящиеся) жанровые формы науки, художественной литературы и журналистики, сохраняя свой философский базис в виде своеобразных «жанровых отголосков». Несмотря на жанрово-контраминированную природу, НПЖ имеет свою формально-содержательную специфику и особую сферу функционирования, что позволяет усомниться в его вторичности – свободная от литературных канонов и не скованная строгостью чисто научной мысли, научно-популярная литература развивалась по своей собственной траектории.

Литература

- Аллаярова В.С., Коган Л.Н. Научная популяризация и социалистическая культура. М., 1979.
- Аристотель. Поэтика. М., 1957.
- Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5.
- Белинский В.Г. Опыт истории русской литературы // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 324–365.
- Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 240–249.
- Годвин Ф. Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершенное Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол // Наука и жизнь. 1967. № 4. С. 64–70.
- Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
- Кеплер И. Сон, или Посмертное сочинение о лунной астрономии // О шестиугольных снежинках. М., 1982. С. 69–169.
- Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000. С. 125–168.
- Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. М., 1978.
- Лазаревич Э.А. Функции и принципы популяризации науки. М., 1983.
- Лихтенштейн Е.С., Михайлов А.И. Научно-популярная литература // Редактирование научной, технической литературы и информации. М., 1974. С. 62–67.
- Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля. Ростов-на-Дону, 1979.
- Мирошников Ю.И. Научная литература как предмет философской науки // Научный ежегодник Института философии и права УО РАН. 2008. Вып. 8. С. 117–136.
- Многообразие жанров философского дискурса / Под общ. ред. В.И. Плотникова. Екатеринбург, 2001.
- Научно-популярная журналистика / Под ред. И.И. Никифорова. М., 2008.
- Нахов И.М. Очерк истории кинической философии. М., 1984. С. 5–52.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Пермь, 1994. Т. 1. Ч. 1.
- Парафонова В.А. Популяризация науки в России: краткий обзор журнальной периодики (1702–1991 гг.). М., 2007.
- Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1971. Т. 3.
- Пукшанский Б.Я. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л., 1987.
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст). Екатеринбург, 2002.
- Силантьев И.В. Сюжет и жанровый статус беллетристического произведения // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 17–23.
- Синагова Н.Г. Римская сатира как философский жанр. Екатеринбург, 2005.
- Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. 1–10. СПб., 1785–1793.
- СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.
- Тамарченко Н.Д. Методологические проблемы теории рода и жанра в поэтике XX века // Теория литературы. М., 2003. Т. III.
- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931.

Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1984. С. 16–27.

Фудель В.С., Васильева А.Н. Научно-популярный жанр (к вопросу о возможностях его использования в практике преподавания русского языка иностранцам) // Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. М., 1972. С. 96–113.

Шмелева Т.В. Речевые жанры // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Красноярск, 1991. С. 89–91.

Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 20–32.

La science pour tous : sur la vulgarisation scientifique en France de 1850 a 1914. Paris, 1990.

Wilkins J. The Discovery of a World in the Moone Or, A Discovrse Tending To Prove That 'Tis Probable There May Be Another Habitable World In That Planet. Printed by E.G. for M. Sparl and E. Forrest, 1638.